

Зоя Ивановна Третьяк

*д-р филол. наук, проф. каф. мировой литературы и иностранных языков
Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой*

Zoya Tratsiak

*Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of World Literature and Foreign Languages
of Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*

e-mail: zoya.tretyak@rambler.ru

ОПЫТ КОРРЕЛЯТИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ, БЕЛОРУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ДОКУМЕНТАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Рассматривается документально-художественная проза о Первой мировой войне на примере «Записок кавалериста» Н. Гумилева, книг «На империалистической войне» М. Горьцкого и «Фронтовая сводка» Э. Кёппена. Основа для корреляции – идея об эксперименте с формой произведения, основанном на использовании монтажа, объединяющего автобиографическую, документальную и художественную составляющие. Отмечается комплементарная связь между повествованием от первого/третьего лица и реальными/вымышленными эпистолярными, дневниковыми записями, фрагментами документов, выдержками из периодических изданий. Выделены идейно-тематические схождения (нивелирование человеческой индивидуальности как следствие технологизации войны, натуралистическая детализация, национальная проблематика, освещение аксиологического кризиса, соподчинение образов «свой» и «чужой», присутствие персонажа-интеллектуала, переживающего ряд мировоззренческих трансформаций).

Ключевые слова: Первая мировая война, документально-художественная проза, монтаж, Н. Гумилев, М. Горьцкий, Э. Кёппен.

An Experience of Correlative Study of Russian, Belarusian and German Documentary Prose Fiction about World War I

The article examines documentary fiction prose about the First World War using the examples of «Cavalryman's Note» by N. Gumilyov, books «At the Imperialist War» by M. Haretsky and «Higher Command» by E. Köppen. The basis for the correlation was the idea of an experiment with the narrative form, based on the use of montage, which combines autobiographical, documentary and fiction components. The complementary nature of the connection between first/third person narration and real/fictional epistolary, diary entries, fragments of official documents, excerpts from periodicals. Some ideological and thematic convergences are highlighted (the leveling of human individuality as a consequence of war technology, naturalistic details, national problems, elucidating some manifestations of the axiological crisis, subordinated images of «friend» and «foe», the character who is an intellectual experiencing worldview transformations).

Key words: World War I, documentary fiction prose, montage, N. Gumilyov, M. Haretsky, E. Köppen.

Введение

Литературное воплощение Первой мировой войны поставило ее современников перед лицом сложностей, проистекающих из специфики объекта изображения, и в 1920-е – 30-е гг. породило экспериментальные прозаические формы.

Отметим жанр, синтезирующий документальное, автобиографическое и художественное и сочетающий повествование от первого/третьего лица, дневниковые записи, создающие «иллюзию свободного выражения мыслей и впечатлений героя или рассказчика» [1, с. 62]), части реальных или вымышленных писем. Документальная составляющая представлена фрагментами документов, телеграмм, дневников и мемуаров,

рекламных текстов, афиш, песен и т. д. Отбирались «факты, которые... обладали значительными социально-типическими свойствами» [2, с. 235]. Искусство слова характеризовалось обращением не к «вымыслу относительно окружающей действительности... а к вымыслу принципиально новой реальности» [3, с. 288].

Временная дистанция между событием и его фиксацией в тексте видоизменила автобиографическое, которое по-новому воспринималось носителем информации, смотревшим на него с позиции творца. Герой «обладал своим собственным кругозором и точкой зрения на окружающий его мир... тогда как автор видел этот мир в его целостности» [4, с. 10]. Автобиографиче-

ское корректировалось, если оно не соответствовало общественно-политическим и творческим установкам автора.

Материал исследования – книги «На империалистической войне» М. Горьцкого, «Записки кавалериста» Н. Гумилева и «Фронтная сводка» Э. Кёппена.

Согласно классификации, предложенной Л. Синьковой [5], произведения М. Горьцкого и Н. Гумилева отнесем к прозе «fiction» с акцентированной фактографической основой. В случае с книгой Э. Кёппена отметим цитирование паспортизированных документов.

Анализ документально-художественной прозы о Первой мировой войне, созданной в рамках разных национальных традиций, имеет ряд особенностей. Типологическое единство достигается на уровне формы. В идейно-тематическом плане наблюдаются расхождения, связанные со спецификой литературного процесса разных народов, характерными чертами творчества писателей.

Цель исследования – коррелятивный анализ русской, белорусской и немецкой документально-художественной прозы о Первой мировой войне.

Основная часть

«Записки кавалериста» Н. Гумилева – повествование, сочетающее наблюдения за фронтовой повседневностью с философскими размышлениями о войне. Документальная составляющая произведения изучена Е. Степановым [7]. Рассказчик у Н. Гумилева позиционируется не только как воин-доброволец, но и как человек творческой профессии, поэтому вербальное заворожило повествователя, который прочувствовал возможности слова, характеризующего различные состояния человека.

Рассказчик в «Записках кавалериста» виртуозно внедрил в канву высказывания речь других персонажей: «Офицеры... останавливали меня вопросом – вольноопределяющийся, куда? – и, узнав, с сомнением покачивали головой. За стеною крайнего дома стоял десяток спешенных казаков с винтовками наготове. “Не проедете, – сказали они, – вон уже где палат”» [6, с. 33]. Форма изложения подчеркнула динамику ситуации, каждая реплика комментировала отдельный «кадр» боя. Лаконичные фразы акцентировали внимание на цели, достиже-

ние которой сопряжено с трагическими, авантурными либо мелодраматическими эпизодами, вынесенными за скобки. Н. Гумилев размышлял о динамике действия, которая позволяла творить историю: «На заре человечества люди так же жили нервами, творили много и умирали рано. Мне с трудом верится, чтобы человек, который каждый день обедает и каждую ночь спит, мог вносить что-нибудь в сокровищницу культуры духа» [6, с. 55–56]. Экстремальная ситуация интерпретировалась как момент высвобождения творческих сил, трансформирующих реальность.

Автор «Записок» не связан рамками хронологии событий, которые в основном не датируются. Перипетии 1914 г. обрываются на злоключениях повествователя, вышедшего из строя из-за простуды. Н. Гумилев прибегает к темпоральному разрыву и переносится в знаменательный день – 6 июня 1915 г., закончившийся отступлением русских, когда они «поджигали скирды хлеба, чтобы не оставлять врагу. Жалко было подносить огонь к этим золотым грудам, жалко было топтать конями хлеб на корню... но так весело было скакать потом» [6, с. 82]. Трагическое дополнялось авантурным, подчеркивая мировоззренческие особенности повествователя, реализующего автобиографический миф как «модель, получившую в сознании писателя онтологический статус» [8, с. 11] и уподобившего войну охоте, когда он «испытал то же чувство, когда тревога за себя вдруг сменяется боязнью упустить великолепную добычу» [6, с. 89].

Открытый «финал» «Записок кавалериста» подчеркивает, что автор не желал говорить о времени, когда «воодушевление сменилось привычкой, превращавшей военную романтику в рутину, и... разочарованием, потому что наши краткие спорадические успехи сменялись поражениями и отступлениями, а... позиционная война выражалась... в бесконечном сидении в окопах, перестрелках, неделях бездействия» [9, с. 194].

Книга М. Горьцкого «На империалистической войне» – генетически связанное с реализмом произведение, приближающееся к модернистскому роману.

Писатель с характерным для реализма интересом обратился к многомерной жизни, но подчеркнул эту многомерность через сочетание фрагментов, различных по источ-

нику и времени возникновения. Баланс документального и художественного выглядел так: «Дневниковая форма как основа обеспечила “Запискам...” особое доверие ко всему написанному... художественность произведению придало умение автора выделить во всей многоликости событий... типичное» [10, с. 11].

Целостность в книге достигается благодаря Лявону Задуме – повествователю, наделенному автобиографическими чертами. В отличие от повествователя из «Записок кавалериста», ведущего рассказ от первого лица, персонаж М. Горецкого прибегает к дневниковым записям и эпистолярно. Писатель «дает слово» персонажам, рассуждения которых дополняют наблюдения Задумы. Интересна история, рассказанная солдатом-пехотинцем: «В японскую войну было лучше... Привал десять минут: тут тебе кашевары, приехав к привалу заблаговременно, горячий чай дают, консервы... А здесь всю неделю голодный шагай и шагай, а зашел в сад гнилое яблоко поднять – офицер тебя хворостинкой по голове» [11, с. 280]. Читательские ожидания обмануты, т. к. экскурс в прошлое навевает мысли об апологии войны. Однако персонаж переходит к насущным проблемам, препарированным критически.

Рассказчик в книге «На империалистической войне» бросает себе вызов, стремясь запечатлеть «уходящую натуру» войны. Он подчеркивает сложности, связанные с реализацией задачи: «Духовного безобразия во всей глубине прочувствовать не мог» [11, с. 288]. В идеале записки должны стать словесным монументом, сохраняющим память о людях, нашедших последний приют под крестами в поле.

Н. Гумилев и М. Горецкий прибегают к монтажу, сбалансировавшему документальное и художественное. Типологические схождения в их книгах отметили Е. Белая («натуралистичное соединено с лирическим и импрессионистским» [12, с. 75]) и И. Шаладонов, обратившие внимание на некоторых эпизодах их биографий [13, с. 248]). На идейно-тематическом уровне различие заключается в восприятии войны. Если Н. Гумилев ощущал ее как «молодецкую забаву», то М. Горецкий подчеркивал трагизм события: «Я... старательно убиваю людей. Убиваю таких же невольников, как

сам» [11, с. 288]. Эпизоды, когда война завораживала, порицались: «Снаряды... даже красиво летят... Стыдно любоваться такой красотой» [11, с. 322].

Дегероизация поведения человека на войне – отличительная черта «Записок» М. Горецкого. Рассуждая о полученной награде, повествователь отметил: «Какие же мы герои... Если бы не боялись наказания, если бы не воинская дисциплина, ни один из нас... с места, конечно, не сдвинулся бы» [11, с. 269]. М. Горецкий обращался к любому опыту, полученному на войне (ранение, медицинское вмешательство). Кульминация в череде «приземленных» эпизодов – подготовка и проведение хирургических манипуляций: «Стыд какой – этот вечер перед операцией... Дикая боль, и истошный плач, и вопли детские, неискренние» [11, с. 329].

Отметим внимание М. Горецкого к национальной проблематике: «А освободится ли мой народ? Что ему даст эта война?» [11, с. 230]. Ужасы действительности не заслонили размышлений о развитии своей земли. Повествователь критично относился не только к «чужому», но и к «своему»: неприятие вызывало вынужденное нежелание рядового белоруса менять образ жизни.

Книга Э. Кёппена «Фронтовая сводка» – предельно усложненное повествовательное единство: вымышленная история Райзигера дополнена архивными материалами, собранными автором; повествование от третьего лица приросло смыслами за счет высказываний персонажей. Н. Сентис остановился на параметрах, определяющих экспериментальный характер романа: смешении жанров; приемах, характерных для кинорадиоповествования; стиле, сочетающем черты прозаической и поэтической речи [14, р. 541 – 52].

Книгу Э. Кёппена назовем «антироманом воспитания» [15, р. 156], т. к. Райзигер простился с иллюзиями о патриотизме, героизме, чести. Финалом становится его пребывание в психиатрической лечебнице в результате воздействия травмирующих психику факторов. Наиболее деструктивный из них – технологизация войны, нивелировавшая всякую индивидуальность: «“Беглый огонь” означает, что через десять минут частота человеческого пульса удваивается. Сердце стучит уже не в груди, а в

горле. Сперва пульс заставляет дрожать конечности. Затем они восстают против команд, становятся... частью большой машины» [16, с. 76].

Деперсонализация характеризует бытие и рядового, и высокопоставленных особ. Пример тому – ситуация, когда повествователь сначала знакомит с пространственными выдержками из документов за авторством различных чинов, затем организует их ключевые мысли так:

«Канцлер:

...Нас оскорбляет, когда нас... в выносливости, в стойкости, во внутренней моральной силе...

Генерал:

...Может наступить момент, когда... не оставит Германии надежды» [16, с. 204].

Условный «диалог» свидетельствует о столкновении «идеалистического» и «рационального» подходов к конфликту, о перенесении размышлений в философско-абстрактную плоскость. Деперсонализация в документальной части «Фронтальной сводки» достигает наивысшего уровня. За медицинским заключением Райзигера скрывается документ, дающий обобщенное представление о физическом состоянии добровольца, жаждущего попасть на фронт; в речах кайзера презентуется скорректированная реальность войны.

Возникают ситуации, когда жизнь и смерть отождествляются: эпизод, когда Райзигер оказался в воронке с трупом врага. Первоначальной реакцией был ужас, сменившийся принятием ситуации и отождествлением себя с убитым: «Он мог быть мной, я мог быть им, и тогда есть ли... какая-то там “вражда”?» [16, с. 197]. Таким образом, круг деперсонализации разомкнулся.

Э. Кёппен затрагивает национальные проблемы, хотя рассматривает их специфично. Постулируемое властями единство нации рассыпалось: «Пруссаки могут шмонаться грязными сколько угодно. Баварцам надоть выиграть войну, и потому по первости в очереди всегда идут раненые баварцы» [16, с. 90].

Заключение

Документально-художественная проза о Первой мировой войне обозначает переход от эстетики реализма к модернистскому мироощущению и представляет проект, где даже графическое оформление текста несет особую смысловую нагрузку. Данный проект сочетает повествование от первого/третьего лица и фиксацию происходящего с позиции камеры-обскуры. Автобиографическое, документальное и художественное вступают в полилог, обеспеченный использованием монтажа, позволившим переключаться на прямую речь либо эпистолярный персонажей, инкорпорировать в текст выдержки из документов, привносить элементы кинорадиодискурса.

Изучение книг М. Горьцкого, Н. Гумилева и Э. Кёппена возможно при первоочередном рассмотрении их художественной формы. Ведущим приемом оказывается монтаж, который становится более изощренным («Записки кавалериста» – «На империалистической войне» – «Фронтальная сводка»). Идеино-тематические схождения имеют менее системный характер: вопрос о роли человека на войне, тема деперсонализации (эпизод с «охотой» на врага у Н. Гумилева, размышления о бойне, лишаящей индивидуальности у М. Горьцкого и Э. Кёппена), проблема «своего» и «чужого», национальная проблематика.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Савинков, С. Дневниковая форма / С. Савинков // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М. : Изд-во Кулагиной, 2008. – С. 61–62.
2. Муравьев, С. Документальное / С. Муравьев // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М. : НПКи «Интелвак», 2001. – С. 234–235.
3. Тюпа, В. Художественность / В. Тюпа // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М. : Изд-во Кулагиной, 2008. – С. 288–290.
4. Сорникова, М. Автобиографическая проза / М. Сорникова // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М. : Изд-во Кулагиной, 2008. – С. 10.

5. Сінькова, Л. Што можна пазначаць тэрмін «дакументальна-мастацкая проза» / Л. Сінькова // Беларуская «звышлітаратура». – Мінск : Кнігазбор, 2019. – С. 70–78.
6. Гумилев, Н. Записки кавалериста / Н. Гумилев // Записки кавалериста. Воспоминания / Н. Гумилев, А. Брусилов. – М. : АСТ, 2014. – С. 5–94.
7. Степанов, Е. Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914–1918 / Е. Степанов. – М. : Прогресс-Плеяда, 2014. – 848 с.
8. Магомедова, Д. Автобиографический миф / Д. Магомедова // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М. : Изд-во Кулагиной, 2008. – С. 10–11.
9. Альбрехт, Т. Об отношении Николая Гумилева к войне и военной теме в его творчестве / Т. Альбрехт // Гумилев, Н. Боевой путь поэта. Записки кавалериста / Н. Гумилев. – М. : Родина, 2022. – С. 190–195.
10. Кенько, М. «Словом возрождать человека...» / М. Кенько // Горецкий, М. Родные корни : избранное / М. Горецкий. – Минск : Звезда, 2014. – С. 3–16.
11. Горецкий, М. Родные корни / М. Горецкий. – Минск : Звезда, 2014. – 352 с.
12. Белая, А. Чалавек на вайне ў «Запісках...» М. Гарэцкага і М. Гумілёва / А. Белая // Максім і Гаўрыла Гарэцкія. Матэрыялы XVII Гарэцкіх чытанняў. – Мінск, 2009. – С. 67–73.
13. Шаладонаў, І. Дакументальна-мастацкая праўда аб вайне (на матэрыяле аповесцей М. Гарэцкага «На імерыялістычнай вайне» і М. Гумілёва «Запіскі кавалерыста» / І. Шаладонаў // Беларуская літаратура ў культурнай прасторы сучаснага грамадства. – Мінск : Права і эканоміка, 2016. – С. 247–250.
14. Santiáñez, N. Showing What Cannot Be Said. Total War and the International Project of Modernist War Writing / N. Santiáñez // The Massachusetts Review. – 2016. – Vol. 57, nr 3. – P. 450–462.
15. Löschnigg, M. How to Tell the War? Trench Warfare and the Realist Paradigm in First World War Narratives / M. Löschnigg // Anglica. – 2018. – Nr 27/3. – P. 143–161.
16. Кёппен, Э. Будни добровольца / Э. Кёппен. – М. : КоЛибри, 2024. – 400 с.

REFERENCES

1. Savinkov, S. Dnievnikovaja forma / S. Savinkov // Poetika: slovar' aktual'nykh tierminov i poniatij. – M. : Izd-vo Kulaginoj, 2008. – S. 61–62.
2. Murav'jov, S. Dokumental'noje / S. Murav'jov // Literaturnaja enciklopedija tierminov i poniatij. – M. : NPK «Intelvak», 2001. – S. 234–235.
3. Tiupa, V. Khudozhestviennost' / V. Tiupa // Poetika: slovar' aktual'nykh tierminov i poniatij. – M. : Izd-vo Kulaginoj, 2008. – S. 288–290.
4. Sornikova, M. Avtobiografichieskaja proza / M. Sornikova // Poetika: slovar' aktual'nykh tierminov i poniatij. – M. : Izd-vo Kulaginoj, 2008. – S. 10.
5. Sin'kova, L. Shto mozna paznachac' termin «dakumiental'na-mastackaja proza» / L. Sin'kova // Bielaruskaja «zvyslilitaratura». – Minsk : Knihazbor, 2019. – S. 70–78.
6. Gumiliov, N. Zapiski kavalierista / N. Gumiliov // Zapiski kavalierista. Vospominanija / N. Gumiliov, A. Brusilov. – M. : AST, 2014. – S. 5–94.
7. Stiepanov, Je. Poet na vojnie. Nikolaj Gumiliov. 1914–1918 / Je. Stiepanov. – M. : Progress-Pliejada, 2014. – 848 s.
8. Magomiedova, D. Avtobiografichieskij mif / D. Magomiedova // Poetika: slovar' aktual'nykh tierminov i poniatij. – M. : Izd-vo Kulaginoj, 2008. – S. 10–11.
9. Al'brekht, T. Ob otnoshenii Nikolaja Gumiliova k vojne i vojennoj tiemie v jego tvorchiestvie / T. Al'brekht // Gumiliov, N. Bojevoj put' poeta. Zapiski kavalierista / N. Gumiliov. – M. : Rodina, 2022. – S. 190–195.
10. Kien'ko, M. «Slovom vrozozhdac' chielovieka...» / M. Kien'ko // Gorieckij, M. Rodnyje korni : izbrannoje. – Minsk : Zviazda, 2014. – S. 3–16.
11. Gorieckij, M. Rodnyje korni / M. Gorieckij. – Minsk : Zviazda, 2014. – 352 s.
12. Bielaja, A. Chalaviek na vajnie u «Zapiskakh...» M. Hareckaha i M. Humiliova / A. Bielaja // Maksim i Hauryla Hareckija. Materyjaly XVII Hareckikh chytannia. – Minsk, 2009. – S. 67–73.

13. Shaladonau, I. Dakumientalna-mastackaja prauda ab vajnie (na materyjalie apoviesciej M. Hareckaha «Na imieryjalistychnaj vajnie» i M. Humiliova «Zapiski kavalierysta» / I. Shaladonau // Bielaruskaja litaratura u kul'turnaj prastory suchasnaha hramadstva. – Minsk : Prava i ekanomika, 2016. – S. 247–250.

14. Santiáñez, N. Showing What Cannot Be Said. Total War and the International Project of Modernist War Writing / N. Santiáñez // The Massachusetts Review. – 2016. – Vol. 57, nr 3. – P. 450–462.

15. Löschnigg, M. How to Tell the War? Trench Warfare and the Realist Paradigm in First World War Narratives / M. Löschnigg // Anglica. – 2018. – Nr 27/3. – P. 143–161.

16. Köppen, E. Budni dobrovol'ca / E. Köppen. – M. : KoLibri, 2024. – 400 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 13.04.2025